

Содержаніе двадцать перваго тома.

Отдѣлъ первый. Статьи научныя и педагогическія. Хроника.

	<i>Стран.</i>
С. П. Шестакова, Гомеръ въ схоліяхъ. Характеристика общихъ свойствъ человѣческой природы, опредѣляемой возрастомъ и поломъ. Характеристика родственныхъ чувствъ и чувствъ дружбы и любви. <i>"Проезъ"</i>	3
И. В. Нетушила, Къ синтаксису сложныхъ предложений, латинскихъ и греческихъ. VI. Союзы, возникшіе изъ обособившихся коррелятовъ	43
Д. П. Шестанова, Къ Валерію Максиму (2, 10, 2)	64
Б. В. Варнеке, Къ исторіи древнеримскаго театра	65
А. І. Маленна, Древнія толкованія къ загадкамъ Альдгельма. I. Глоссы парижской рукописи № 2773, II. Глоссы парижскихъ латинскихъ рукописей 8440 и 16700	91
С. П. Шестакова, Краснорѣчіе у древнихъ грековъ въ его вліяніи на ихъ историческую литературу	123
Ө. Ф. Зѣлинскаго, Столкновеніе Клодія съ сенатомъ въ 61 г.	193
А. І. Маленна, Замѣтки къ тексту загадокъ Альдгельма, I—V	207
А. Ө. Семенова, Къ Геродоту (V, 8). — Имена отца и матери Геродота	210
С. Н. Жданова, Къ ученію объ аттракціи мѣстоименія <i>δς</i>	213

<u>С. Н. Жданова, Просодическія и критическія замѣтки XXVI—XXXIII</u>	220
<u>Ө. Е. Корша, Ad Persium (4, 48). — Ad Plutarchum (De Superstit. 8, 15, 17, 19)</u>	223

Отдѣлъ второй. Критика и библиографія.

I. Обзоръ книгъ.

<u>L. Friedländer, Darstellungen aus der Sittengeschichte Roms in der Zeit von August bis zum Ausgang der Antonine. 7-e Auflage. I p. II. — А. И. Малкин</u>	3
<u>Corpus inscriptionum graecarum Peloponnesi et insularum vicinarum. Vol. I. — С. А. Жебелева</u>	6
<u>Ecole Française d'Athènes. Fouilles de Delphes exécutées auf frais du gouvernement français sous la direction de Th. Homolle. — С. Ж.</u>	8
<u>II. Таннеръ, Первые шаги древнегреческой науки. Переводъ съ предисловія А. Введенскаго. — С. Ж.</u>	9
<u>P. Wissowa, Religion und Kultus der Römer. — Н. В. Петушкн</u>	10
<u>A. Roemer, Ueber den litterarisch-ästhetischen Bildungsstand des attischen Theaterpublicums. — С. П. Шестакон</u>	15
<u>N. Vlachos, The subject of Sophocles' Antigone. — С. П. Шестакон</u>	19
<u>II. Турцевичъ, Orbis in urbe. Центры и общества землековъ и иновѣрцевъ въ императорскомъ Римѣ I—III вѣковъ. — F.</u>	21
<u>Б. Фармаковскій, Аттическая вазовая живопись и ея отношенія къ искусству монументальному въ эпоху непосредственно послѣ греко-персидскихъ войнъ. — Н. Н. Трескина</u>	24
<u>A. Müller, Das attische Bühnenwesen, kurz dargestellt. — М.</u>	30
<u>А. Красновъ, Изъ западныхъ дрикковъ. — А. И. Малкин</u>	31
<u>И. Анненскій, Царь Иксионъ. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ съ музыкальными антрактами. — P.</u>	33
<u>E. Kammer, Ein ästhetischer Kommentar zu Homers Ilias. 2-e Auflage. — Г. Г. Зоргенорен</u>	49
<u>I. Sitzler, Ein ästhetischer Kommentar zu Homers Odyssee. — Г. Г. Зоргенорен</u>	50

W. Gebhardi, Ein ästhetischer Kommentar zu den lyrischen Dichtungen des Horaz. 2-e Auflage. — Г. Г. Зоргенорен . . .	51
C. Muff, Humanistische und realistische Bildung. — Г. Г. Зоргенорен	51
Verhandlungen über Fragen des höheren Unterrichts. Berlin 6 bis 8 Juni 1900. 2-e Auflage. — Г. Г. Зоргенорен	52
O. Weissenfels, Die Kernfragen des höheren Unterrichts. — Г. Г. Зоргенорен	53
С. Цыбульскій, Иллюстрація быта грековъ и римлянъ въ таблицахъ. — Н. Н. Трескина	55

II. Обзоръ журналовъ (за 1901 годъ):

a) Русскіе журналы: Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. — Русская Мысль. — Русскій Вѣстникъ. — Вѣра и Разумъ	61
b) Иностранные журналы: Journal des Savants. — Bulletin de correspondance hellénique. — Revue de philologie. — Revue archéologique. — Revue des études grecques. — Neue Jahrbücher für das klassische Altertum etc. — Hermes. — Rheinisches Museum. — Philologus. — Mitteilungen des Kaiserlich Deutschen Archäologischen Instituts: a) Römische Abteilung. b) Athenische Abteilung. — Jahrbuch des Kaiserlich Deutschen Archäologischen Instituts. — The classical Review. — Mnemosyne. — Listy filologické. — Česke Museum filologicke. — The Classical Review. — The Journal of Philology. — The American Journal of Philology. — Rivista di filologia e d'instruzione classica	68

III. Новые книги 130

И. О. Анненскій, Царь Иксионъ. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ съ музыкальными антрактами. С.-Петербургъ. 1902 (VII + 90 стр.).

Сказаніе о несчастномъ лапифѣ Иксионѣ точнѣе и подробнѣе всего сохранено въ одной изъ схолій къ *Argonautica* Аполлонія Родосскаго. Къ 62-му стиху 3-й пѣсни этой поэмы схоліастъ пишетъ: „Иксионъ, сынъ Флегія, женившись на Діи, дочери Эіонея¹⁾, обѣщаль дать за нее ея отцу богатые дары, но когда Эіоней явился за ними, Иксионъ устроилъ яму, скрылъ въ ней огонь, заложилъ ее тонкими досками и пепломъ. Эіоней ввалился въ яму и погибъ въ ней. За это на Иксиона напала Лисса, и никто ни изъ боговъ, ни изъ людей не хотѣлъ его очистить, потому что онъ первый убилъ человека изъ той филы (*ἐμφύλιον*). Сжалился надъ нимъ Зевсъ и очистилъ его, но онъ послѣ очищенія влюбился въ Геру, Зевсъ же посылаетъ ему облако, имѣвшее видъ Геры, а потомъ, сдѣлавъ „колесо о четырехъ спицахъ“, привязалъ къ нему Иксиона“. То же самое преданіе съ нѣкоторыми вариантами рассказывается и у схоліаста Лукіана. Но особенно часто передается рассказъ о гибели и наказаніи Иксиона, при чемъ опять-таки между рассказами отдѣльных схоліастовъ нѣтъ согласія²⁾. Рассказъ схоліаста къ поэму Аполлонія Родосскаго о томъ, что Иксиону пришлось найти удовлетвореніе своей страсти къ Герѣ въ облакѣ, послужило, по всей вѣроятности, для созданія слѣдующей новой легенды, отголосокъ которой находимъ у Діодора (IV, 69): *τὸν δὲ Ἰξίωνα τῇ τεφέλῃ μίγντα γεννησάι τοὺς ὀνομαζομένους κενταύρους ἀνθρωποφύεις*³⁾. Особенно много разногласій существовало въ древности относительно имени отца Иксиона, что было отмѣчено уже схоліастомъ ко 2-ой пифійской одѣ Пиндара⁴⁾, который пишетъ: *τὸν Ἰξίωνα οἱ μὲν Ἀντίονος γενεαλογοῦσιν, ὡς Δίαχύλος, Φερεκύδης δὲ Πεισιῶτος, ἔτιοι δὲ Ἄρεος, οἱ δὲ Φλεγύα*⁵⁾.

Всѣ эти свидѣтельства восходятъ къ эпохѣ, когда греческіе мифы успѣли уже подвергнуться художественной переработкѣ представителей великой трагической триады, и поэтому является совершенно невозможнымъ выдѣлить изъ легенды тѣ чисто художественныя черты ея, которыя были внесены въ нее свободнымъ творчествомъ трагиковъ. Это становится особенно затруднительнымъ еще и по-

1) Кобетъ (Мнем. II, р. 183) исправилъ это чтеніе, предложивъ форму Деіонея.

2) Schol. Pind. Pyth. II, 21—89. Philostrat. vita Apoll. Туан. II, 40. Schol. Eur. Phoen, 185.

3) Ср. у него же IV, 70.

4) Pind. Pyth. 2, 89.

5) Даже относительно формы послѣдняго имени существуетъ разногласіе: схоліастъ къ Аполлонію Родосскому пишетъ: *Φλεγύου υἱὸς Ἰξίων*.

тому, что мифъ этотъ сложился въ эпоху болѣе позднюю, чѣмъ та, къ которой относится возникновеніе поэмъ Гомера и Гесіода¹⁾.

Этотъ мифъ, какъ и слѣдовало ожидать, при патетичности его содержанія вдохновлялъ многихъ трагиковъ. Отъ Эсхила дошло до нашего времени четыре чрезвычайно скудныхъ фрагмента этой трагедіи²⁾. Отъ пьесы Софокла дошло до насъ одно только слово, да и то гадательно приписываемое этому трагику³⁾. Отъ Еврипида осталось три отрывка, такъ переведенныхъ И. Ѳ. Анненскимъ:

1) [= № 428 у Наука]:

О сынъ Флегія, деспотъ Иксіонъ.

2) [= 425]:

Тотъ мужъ, что былъ рожденъ согражданъ выше
(Неправеденъ и волей и умомъ),
Теперь друзьямъ и городу — чума.

3) [= 426]:

Ты высшее, что смертные свершили,
Старайся превзойти, — ни власть царей,
Ни пышный домъ безъ муки не даются.

Затѣмъ два отрывка сохранились отъ драмы на этотъ же сюжетъ, но имя автора ихъ точно не извѣстно, хотя первый изъ нихъ, сохранный Плутархомъ, и приписывается обыкновенно Еврипиду. Переводъ этихъ двухъ отрывковъ таковъ⁴⁾:

- 1) Приобрѣти хвалу за справедливость
И дѣлай все, что прибыльно, потомъ.
- 2) То врагъ, но чту я больше справедливость.

Скудость этихъ отрывковъ очевидна, но это нисколько не помѣшало ученымъ дѣлать предположенія относительно содержанія и характера этихъ пьесъ. Этимъ занимались и Велькеръ и Гартунгъ. Первый изъ этихъ ученыхъ⁵⁾ ограничился весьма правдоподобнымъ

¹⁾ См. Weizsäcker у W. Roscher, Ausführliches Lexikon, II B. I Abt, p. 767. Тамъ же собрана и вся древняя литература.

²⁾ У A. Nauck'a T. G. F. №№ 90—93.

³⁾ У Nauck'a № 274 см. ad I.

⁴⁾ Ихъ текстъ помѣщенъ у Наука тамъ же, стр. 838.

⁵⁾ F. G. Welcker. Die griechischen Tragoedien, II, pp. 749—752.

замѣчаніемъ, что *vermuthen lässt sich der neue Charakter, unter dem sein Ixion auftrat. Es brachte dieser die Unrechtlichkeit auf Grundsätze zurück und bestritt mit den frechten Sophistik das Wesen aller Tugend und Pflicht.* Гартунгъ со свойственной ему только одному прозорливостью не только намѣчаетъ общій контуръ драмы¹⁾, но даже пытается установить послѣдовательный ходъ ея дѣйствія и даже точно знаетъ, въ чьихъ устахъ раздавались на сценѣ приведенные выше отрывки пьесы, опредѣляя при этомъ порядокъ появленія отдѣльных дѣйствующихъ лицъ. Особенное довѣріе — и, кажется, совсѣмъ напрасно — заслуживаетъ въ его глазахъ извѣстный рассказъ Лукіана, включенный имъ въ серію „бесѣдъ боговъ“. Я, конечно, не стану заниматься такимъ совершенно напраснымъ и шаткимъ дѣломъ, какъ реконструкція фабулы трагедіи Еврипида, но мимоходомъ отмѣчу слова Горация (*Ars poetica* 123): *Sit Medea ferox, Io vago, flebilis Ino, Perfidus Ixion.* На основаніи этихъ словъ я думаю, что у греческихъ трагиковъ особенно подробно былъ разработанъ эпизодъ съ отцомъ Діи, въ которомъ вѣроломство Иксиона должно было выступить съ особой рельефностью, такъ какъ къ этому поступку Иксиона болѣе примѣнимо названіе вѣроломства, чѣмъ къ его злоупотребленію милостью очистившаго его Зевса, выразившемуся въ преступной любви къ Герѣ. Здѣсь болѣе вѣроломными оказались сами боги. Какъ бы тамъ ни было, несомнѣннымъ является то обстоятельство, что этотъ сюжетъ обращалъ на себя вниманіе великихъ греческихъ трагиковъ — характерно, что ни одного изъ римскихъ трагиковъ этотъ мотивъ не увлекъ, — и считался однимъ изъ самыхъ патетическихъ, какъ это сообщаетъ намъ Аристотель²⁾, но, конечно, это происходило не только потому, что Иксиона будто бы на глазахъ у зрителей призывали къ колесу, какъ это думалъ Велькеръ³⁾.

Персонажи трагедіи И. Θ. Анненскаго появились въ произведеніяхъ греческихъ трагиковъ. Оставляя въ сторонѣ такіе общеизвѣстные типы, какъ типъ Геры, напримѣръ, я скажу нѣсколько словъ о Лиссѣ, которая была послана на Иксиона въ наказаніе за его жестокой поступокъ съ тестемъ и имя которой встрѣчается въ рассказѣ схолиаста къ *Argonautica* Аполлонія Родосскаго. Эта богиня появлялась, между прочимъ, въ „Гераклѣ“ Еврипида.

Когда послѣ гибели Лика и радостной пѣсни хора, торжествующаго возвращеніе Геракла изъ адскаго мрака, набѣжали тучи и раздались глухіе раскаты грома, въ воздухѣ надъ домомъ Геракла показываються Ирида и Лисса, порожденіе Ночи. Ирида говоритъ

¹⁾ I. A. Hartung, *Euripides restitutus*, II, p. 370—375.

²⁾ *Περὶ ποιητικῆς*, 1456^a ἢ *παθητικῆς* (τραυφδία) *ὅλον οἱ τε Αἴαντες καὶ οἱ Ἰξίονες.*

³⁾ I. c., p. 751.

хору: (ст. 822) *ῥαροῖσθε Νυχτὸς ὀρώντες ἔκχρονον Λίσσαν, γέροντες.*
Цѣль своего прихода она объясняетъ такъ¹⁾:

Угодно Герѣ, чтобъ обиду, ей
Геракломъ нанесенную, онъ кровью
Своихъ дѣтей сегодня заплатилъ.
Угодно Герѣ такъ, и мнѣ угодно.

(Обращаясь къ Лиссѣ)

Ты жъ, брака не познавшая, ты, дочь
Глубокой Ночи, собери всю злобу
Въ груди безжалостной! Теперь на мужа,
Для Геры ненавистнаго, должна ты
Наслатъ безумье ярое. Пусть ноги
Танцуютъ танецъ сумасшедшій, мозгъ
Его горитъ отъ бѣшеныхъ желаній
Дѣтоубійцы: разнуздай его, заставь
Своей рукою толкать въ пасть жадной смерти
Своихъ дѣтей цвѣтущихъ! пусть познаетъ
Онъ ненависть царицы и мою
Оцѣнить. Чтò бы стало съ вами, боги,
Когда бъ для кары вышнихъ человѣкъ
Въ величьи оставался недоступнымъ?

Затѣмъ характеристику Ириды дополняетъ и сама Лисса, кото-
рая говорить:

Отъ крови знатной я и изъ утробы
Я вышла благородной. Мой отецъ
Былъ Небосводъ, а мать зовется Ночью.
Но, какъ богинѣ, мнѣ досталась доля,
Противная безсмертнымъ. И самой
Мнѣ горько посѣщать обитель дружбы.
Ирида, прежде чѣмъ васъ допустить
До роковой ошибки, я должна вамъ
Сказать: одумайтесь! Тотъ человѣкъ,
Чей домъ ты указала мнѣ, не даромъ
Извѣстенъ на землѣ и славенъ въ небѣ:
Онъ сушу непролазную, онъ море
Суровое смирилъ и отдалъ людямъ,
Возстановилъ служеніе богамъ,
Разбойниковъ преступными руками
Смятенное, все онъ одинъ. Такъ Герѣ
Да и тебѣ, Ирида, мой совѣтъ —
Не трогайте Геракла: это дурно.

¹⁾ Переводъ И. О. Анненскаго въ Журн. Мин. Нар. Просв. за 1897 г.

Но Ирида не хочетъ слушать увѣщаній Лиссы, доброта которой теперь уже не нужна ни ей ни Герѣ. Лисса, идя исполнять ихъ злую волю, снимаетъ съ себя всякую отвѣтственность. Обращаясь къ солнцу, она проситъ его рассказать людямъ, что въ Геракловъ домъ она вступаетъ не своею волей.

Такъ царица захотѣла, и Ирида приказала.

И бѣгу я, какъ собака, что за дичью посылають.

А теперь за дѣло, Лисса! И клянуся я, что море

Такъ не выло въ непогоду, волны тяжкія сдвигая;

Такъ земля не содрогалась, и, по небу пролетая,

Столько ужаса и смерти стрѣлы молній не носили,

Сколько ужаса и воя, и безумныхъ содроганій

Принесу я въ грудь Геракла. Я чертогъ его разрушу,

Размечу колонны дома, но сперва дѣтей убьетъ онъ.

Да, своей рукой малютокъ умертвить онъ безъ сознанья...

Долго-долго послѣ будетъ сонъ его кровавый длиться.

Видишь, видишь, началось. Голова отъ гнѣва ходитъ;

Самъ ни звука, точно скованъ. Только бѣлые шары

Все по впадинамъ катаетъ, да высоко и неровно

Ходитъ грудь его скачками. Точно быкъ готовъ онъ прыгнуть.

Вотъ изъ сдавленнаго горла воздухъ вырвался со свистомъ.

Грознымъ ревомъ смерть зоветъ онъ. Скоро-скоро, — погоди:

Дикій танецъ затанцуетъ, блѣдный страхъ флейтистомъ будетъ...

На Олимпѣ лети къ безсмертнымъ, благородная Ирида!

Мнѣ же надо невидимкой въ этотъ царскій домъ спуститься.

Съ этими словами Лисса покидаетъ сцену, и навѣрно въ душѣ зрителя на ряду съ отвращеніемъ, котораго не могъ не возбуждать ужасный видъ мрачной богини, находилось мѣсто и для сожалѣнія къ этой невольной исполнительницѣ злыхъ желаній олимпійскихъ боговъ, являвшейся орудіемъ ихъ непреоборимой мести. Въ своемъ изслѣдованіи „Миоѣ и трагедіи Геракла“ переводчикъ, между прочимъ, писалъ (стр. 86): „Мимоходомъ „трагичнѣйшій поэтъ“ не упустилъ случая начертать драму Лиссы. Онъ заставляетъ Лиссу останавливать Ириду, выказавъ ранѣе весь ужасъ своего положенія; онъ возбуждаетъ наше состраданіе къ этому отвратительному существу, чтобы потомъ рѣзко охватить нашу душу холоднымъ ужасомъ“.

II.

Этими данными воспользовался талантливый авторъ „Меланиппы-философа“ И. Ѳ. Анненскій для своей новой трагедіи „Царь Иксіонъ“.

При представленіи этой трагедіи театръ изображаетъ дикую горную мѣстность. Близокъ разсвѣтъ. На скалистой постели между

старыхъ елей спить Иксіонъ. Онъ еще молодъ, но выгладитъ почти старикомъ: блѣдный, небритый, больной, оборванный. Сонъ его тревоженъ, со стонами, бредомъ. Около него и близъ потухшаго костра сидитъ Лисса; она худошава, зеленоватое лицо ея некрасиво, а длинныя черныя жгуты волосъ напоминаютъ змѣй, особенно при нервныхъ и быстрыхъ ея движеніяхъ. Она сидитъ близко къ Иксіону, охвативъ руками колѣни. Изъ-подъ лиловаго пеплоса выставляются огромныя, костлявыя, но сильныя ноги. Руки у ней бѣлыя, небольшія и цѣпкія съ длинными острыми ногтями и изумрудами въ кольцахъ. Сквозь брежущій разсвѣтъ вдали, еще гораздо выше, среди слабо розовѣющихъ облаковъ, еле вырисовывается силуэтъ Зевсова дворца“.

Дѣйствіе трагедіи начинается тѣмъ, что Лисса встаетъ и произноситъ слѣдующій монологъ, не спуская глазъ съ Иксіона:

Какъ нѣжная подруга до разсвѣта
 Покинетъ ложе ласки и волосъ
 Душистыя подниметъ въ узелъ волны,
 И розы щекъ водою освѣжить,
 А тихій сонъ еще покоитъ мужа:
 Такъ спутника печальнаго мнѣ жаль
 Тревожитъ сонъ безумный... хоть не ласки
 Связали насъ, а муки, и моихъ
 Онъ жаркихъ рукъ во снѣ искать не будетъ.
 Богиня я, увы, бессмертныхъ дочь,
 Но я ни въ комъ желаній не будила,—
 Иную власть божественная Ночь,
 Меня рождая въ мукахъ, мнѣ сулила.
 Нѣтъ, никогда Эроту не зажечь
 Безумнѣе страстей. Огню Киприды
 Не извести, испепеляя, сердца
 Съ такою адскою силою, какъ моихъ
 Зеленыхъ глазъ печальному огню
 И устъ моихъ холодному дыханью.
 И никогда, ни за одной женою,
 Носи она хоть поясъ Афродиты,
 Ей отданный богами, человекъ
 Съ такой собачьей вѣрностью не бѣгалъ.

Свѣтъ около Иксіона, она продолжаетъ:

Сегодня годъ, какъ мой онъ. Но узнать
 Кто могъ бы Иксіона? Ключья пѣны
 На бородѣ. На впалые виски
 Ужъ серебро пробилось. Весь въ лохмотьяхъ,

Онъ изможденъ. А годъ... вѣдь только годъ,
 Какъ мы спознались. Помню, царь такъ молодъ,
 Такъ дерзокъ былъ. Надъ сумрачнымъ дворцомъ
 Ужъ облако пожара розовѣло.
 А за оградой усть у гордеца
 Свѣтилось столько жизни, столько счастья,
 И золота на пурпурѣ плаща
 Душистаго горѣло.

При первыхъ лучахъ солнца начинается бредъ Иксіона, который тревожно вспоминаетъ своихъ „огнистокрылыхъ“ кобылицъ, трижды повторяя все одну и ту же фразу: „Ихъ было 27“. Успокоивъ бредъ царя, Лисса поражена приближающимся ароматомъ: это движется незримый хоръ ореадъ. „Онѣ въ золотистыхъ и бѣлыхъ туникахъ и розовыхъ или оранжевыхъ пояскахъ; у блондинокъ жемчужные гребни на косахъ, у брюнетокъ — золотые. У иныхъ кувшины, затянутые цвѣтами. Цвѣты на поясахъ, цвѣты въ видѣ ожерелей, цвѣты на рукахъ и на волосахъ. У нѣкоторыхъ арфы“. Ихъ появленіе приноситъ съ собой слѣдующую пѣснь хора. Сначала весь хоръ поетъ:

Когда звѣздъ огневыхъ
 Станутъ лики бѣлѣе;
 А лучи заревые
 Все алѣй и алѣе,
 Еле-еле златимы
 Мы постели покинемъ
 И къ озерамъ летимъ мы
 Серебристымъ и синимъ.

* * *

Тамъ со смѣхомъ наяды
 Намъ наполнять кувшины,
 И въ цвѣтахъ ореады
 Мы летимъ на вершины,
 Гдѣ въ пурпуровомъ дымѣ
 Пробуждаются ели,
 И совсѣмъ золотыми
 Стали наши постели.

Изъ общаго хора выступаетъ молоденькая нимфа въ бѣломъ съ оранжевымъ поясомъ и поетъ:

Небо нѣжной пеленою
 Ужъ синѣть надъ нами стало;
 Я не знаю, что со мною:
 Я больна или устала.

Зной и холодъ спорять въ тѣлѣ,
 Какъ тростинка гнутся ноги,
 И на сердце налетѣли
 Непонятныя тревоги.
 Путь такой далекій, трудный,
 Силь моихъ, боюсь, не станеть,—
 Зеленѣя, изумрудный
 Мохъ меня на ложе тянеть.

Ее смѣняетъ пѣніе опять всего хора, сопровождающаго свои слова мимикой:

Надъ твоимъ зеленымъ ложемъ
 Бѣлой сядемъ мы гурьбою
 И цвѣты передъ тобою
 Мы гирляндами разложимъ,
 Чтобъ темнѣй казались розы
 Отъ лилеи бѣлоснѣжной
 И теплѣй отъ туберозы
 Ароматъ левкоя нѣжный.

Сцена заканчивается слѣдующими словами большой черноволосой нимфы съ пунцовыми розами и золотымъ гребнемъ въ волосахъ:

Скоро солнце разгорится,
 Воздухъ полонъ томной лѣни,
 Лягъ, родная, лягъ, сестрица,
 Головой мнѣ на колѣни.

Ореады располагаются неподалеку отъ Лиссы съ ея царственной жертвой. Бѣлую нимфу окружаютъ подруги и, тихо воркуя, принимаются разбирать цвѣты, плести вѣнки, вязать сноны, убирать кувшины. Но ихъ безмятежныя забавы продолжаются недолго, ихъ прерываетъ корифей, испуганный видомъ Лиссы; на его вопросъ дочь Ночи открываетъ свое происхожденіе и въ такихъ словахъ даетъ понять свою силу:

Услугъ моихъ уста такія просятъ,
 Которымъ нѣтъ отказа. И тогда
 Блаженнымъ я сердцамъ мила бываю.
 Я знаю, ты жалѣешь раздавить
 И червяка, красавица, но если бы
 Избранникъ твой съ улыбкой поглядѣлъ
 На женщину, то ласковое слово
 Для Лиссы бы ты, нѣжная, нашла.

Сдернувъ платокъ, прикрывавшій несчастнаго Иксиона, Лисса съ гордостью показываетъ ореадамъ ужасное дѣло своихъ чаръ.

Лучь солнца, ударивъ въ лицо Иксиона, заставляетъ его подняться и прерывающимся голосомъ въ словахъ, полныхъ мольбы и муки, Иксионъ просить ореадъ утолить его жажду, а Лиссу онъ просить, но тщетно, замедлить свои пассы. Его вопли пробуждаютъ жалость въ сердцахъ ореадъ, и онѣ своими плясками заставляютъ уснуть Лиссу, въ чемъ имъ помогаетъ появляющійся на сцену богъ сна, котораго тонкое художественное чутье поэта заставило остаться безмолвнымъ. Корифей приглашаетъ освобожденнаго Иксиона бѣжать. Но царю безъ царства некуда бѣжать, и онъ передаетъ печальную повѣсть своихъ скитаній, когда всеобщіе отказы и насмѣшки заставили его блуждать за Лиссой, имѣя спутникомъ лишь голодъ блѣдный.

Выслушавъ его разсказъ про его однодневный бракъ на златокозой дочери Деіонея и про его обманъ, корифей указываетъ на облачный чертогъ Зевса и говоритъ:

Видишь тамъ
Дворецъ его. Иди къ отцу безсмертныхъ
И смертныхъ, царь. Нѣтъ зависти
Въ душѣ великой и прекрасной. И боязни
Передъ судомъ дѣтей не знаетъ Зевсъ.

Но Иксионъ знаетъ, что ему „моленья бесполезны“.

Развѣ дома
Сокровища сгорѣвшія иль имя,
Покрытое позоромъ, можетъ Зевсъ
Въ ихъ красотѣ загубленной возставить?
Изъ пламени жену вернуть, иль
Другое сердце дать?

тревожно спрашиваетъ Иксионъ и восклицаетъ:

Мнѣ выходи нуженъ,
Но чтобы онъ достоинъ мужа былъ
И эллина...
Мнѣ нуженъ мечъ, о дѣва, царскій мечъ.

Но у ореадъ ему не найти меча, и ихъ печальный разговоръ прерываетъ появленіе Гермеса.

Крылатый богъ своимъ приходомъ сразу ускоряетъ темпъ дѣйствія. Его разговоръ съ нимфами, изъ котораго зритель узнаетъ, что онъ пришелъ отъ Зевса за Иксиономъ, долженъ служить образцомъ легкаго драматическаго діалога, насыщеннаго остроумными и тонкими нюансами настроеній. Какъ ни старалась Лисса съ нимъ заговорить, Гермесъ не отвѣчаетъ ей ни слова, и это за-

ставляетъ ее покинуть сцену, что она и дѣлаетъ, грозя Иксиону, что онъ еще не разъ ее помянетъ. Между тѣмъ Гермесъ принесъ для Иксиона радостное слово: Зевсъ рѣшилъ его спасти и къ его трону намѣренъ вести Иксиона крылатый богъ. Но Иксионъ охотнѣе прервалъ бы тягостную цѣпь своей жизни и послѣ долгихъ уговоровъ Иксионъ еле-еле соглашается итти за Гермесомъ. Ихъ смѣняетъ на сценѣ Ирида, которую хоръ сначала принимаетъ за радугу. Привѣтствуя красу встрѣтившихъ ее дѣвъ, Ирида умоляетъ орады не просить объ одномъ — о красавцахъ мужьяхъ: ея любовь къ Зефиру стала ей приносить слишкомъ мало радостей; но не за нимъ пришла она, а за Герой. Орады разспрашиваютъ ее про Иксиона, котораго она, навѣрное, видала у очага Кронидова.

Несмотря на всю непреклонную гордость лаэита, Зевсъ оставилъ его у себя жить веселымъ гостемъ, и хариты сняли съ него его прежній ужасный обликъ. Иксионъ самъ захотѣлъ безсмертія, выпивъ чашу Гебы. И только-что Ирида покидаетъ сцену, новый богъ Иксионъ появляется во всемъ блескѣ своей только-что дарованной красоты. Онъ ничего не забылъ и онъ плохо вѣрить въ свою божественность. „Клеймо на немъ горитъ убійцы, и Крониду его съ души божественной не смыть“. Когда ему тамъ на Олимпѣ предлагали выпить чашу забвенія, онъ сознательно оттолкнулъ ее.

„Сердцу чего-то жалко стало. А чего?
Безумія? Позора? Мукъ голодныхъ?”

Нѣтъ, говоритъ Иксионъ. *Я жалью* мечты, я аромать

Въ тотъ мигъ вдыхалъ дерзаній безнадежныхъ.

Что-то смутное владѣетъ теперь душою Иксиона. „И нѣгою и трепетомъ мечта объята Иксиона. Воля гаснетъ“. Скоро сознаетъ онъ, что надъ нимъ властвуетъ Эротъ, заставляя его грезить о невиданной красотѣ. Но цѣпи Эрота тяжки для Иксиона, и онъ умоляетъ орады спасти его отъ этого бремени. Нимфы не открываютъ Иксиону ея имени, но указываютъ на ея появленіе. И въ самомъ дѣлѣ, на сценѣ выѣзжаетъ блестящій кортежъ Геры. Сама богиня на бѣлыхъ лошадахъ; колесница ея украшена серебряными лиліями и золотыми гранатами. Съ ней Ирида.

Звучнымъ гимномъ привѣтствуютъ орады появленіе богини, высказываетъ ей свой восторгъ и Иксионъ, который теперь счастливъ уже тѣмъ, что дышитъ однимъ съ ней воздухомъ. Въ его словахъ любви Гера видитъ только дерзость; они кажутся Герѣ тѣмъ болѣе странными, что Иксионъ никогда ея не видѣлъ; на это лаэитъ ей отвѣчаетъ:

Какъ тѣнь

Ты надо мной жила. И невозможнымъ
И сладкимъ сномъ дразнила... Это ты

Мнѣ отравляла дни, сжигала ночи
И все туда, на золотой Олимпъ
Меня звала съ собой.

Ради ея любви онъ готовъ пойти на самыя ужасныя пытки, онъ любить Геру сильнѣе, чѣмъ на это способны боги.

Развѣ боги любятъ? Развѣ тотъ,
Кто не страдалъ, кого не жгло сомнѣнье,
Когда-нибудь умѣлъ любить? Любовь
Безъ трепета и тайны. Какъ уборъ
Тѣхъ дальнихъ высей ледяной...
Онъ нѣжить глазъ на солнцѣ... но его
Холодной радуги не любятъ нимфы.

Гера считаетъ нужнымъ предостеречь безумца, зоветъ его на пиръ боговъ прійти веселымъ гостемъ и общается тамъ даъ ему нимфу Доринну. Закусывая лилю, она кидаетъ свою эмблему Иксиону и своимъ уходомъ насылаетъ на сцену темную ночь; одинокій Иксионъ все тоскуетъ о томъ, что не удержалъ богиню; въ это время въ туманѣ выплываетъ неясный образъ худошавой женщины съ мягкими движеніями. Иксионъ жаждетъ встрѣтить въ ней посланницу Геры. И въ самомъ дѣлѣ, ему общаются, что онъ сегодня же обвинитъ Геру, но только за это ему придется испытать самыя ужасныя муки, но Иксионъ ихъ не боится, а въ залогъ, что онъ не будетъ обмануть, онъ получаетъ кольцо. Какъ только Иксионъ съ своей таинственной спутницей покидаютъ сцену, появляется опять Лисса. Она узнала въ этой таинственной женщинѣ свою сестру — Апату и глубоко жалѣетъ Иксиона, котораго теперь ждетъ одинъ холодный обманъ¹⁾.

Лисса пришла, чтобы умолять боговъ отдать ей снова Иксиона. Она тогда увела бы его „въ чертогъ свой черный и сонъ дала ему, отрадный сонъ, чтобы иногда объ игѣ власти грустной своей забывъ, украдкой приходитъ въ тотъ тихій домъ и любоваться спящимъ“. Ея скорбь о погибшемъ Иксионѣ находитъ себѣ отзвукъ въ явленіяхъ природы: раздражается гроза съ шумнымъ дождемъ, которую смѣняетъ холодноватый разсвѣтъ, съ наступленіемъ котораго Апата приводитъ Иксиона. Онъ — изъ чертога Геры, и сердце его полно тоской, что ночь промелькнула такъ быстро,

Мнѣ хочется вернуть ту ожиданья
Послѣднюю минуту... Шумъ шаговъ
Ея вернуть и первый долетѣвшій

¹⁾ Теперь доказано на основаніи недавно опубликованныхъ надписей (Athenische Mitteilungen XXIII, p. 409), что Апата было довольно распространеннымъ въ Греціи женскимъ именемъ. См. Fr. B e c h t e l, Der Frauennamen *Ἀπάτη*. Hermes XXXIV B., p. 480.

До слуха шелестъ шелковыхъ одеждъ.
И рѣдкіе и сильныя удары,
Что отбивало сердце, пережить
Мнѣ хочется опять,

говорить Иксионъ и предлагаетъ приступить къ расплатѣ. Но Апата не требуетъ ничего: Иксионъ былъ счастливъ, и этого съ нея довольно. Но она упорно допытывается, былъ ли счастливъ Иксионъ, и рисуетъ тѣ сцены блаженства, которыя только-что долженъ былъ пережить несчастный царь безъ царства. По просьбѣ Иксиона она сбрасываетъ свою фату, называетъ свое роковое имя и заставляетъ Иксиона узнать въ ней сестру ужасной Лиссы. На прощанье Апата открываетъ Иксиону, за что всё такъ ее ненавидятъ: она умѣетъ вышучивать любовь. Иксионъ не отпускаетъ ея прежде, чѣмъ она не откроетъ ему, какъ посмѣялась она надъ его любовью. Ему приходится сознаться, что среди ласкъ онъ не слыхалъ отъ Геры ни слова, и этимъ Апата доказываетъ ему, что онъ ласкалъ не Геру, а ея призракъ, сдѣланный изъ нѣжнаго ээира. Подавленный ужасной правдой, Иксионъ не успѣваетъ прогнать отъ себя коварной обманщицы, какъ къ нему подходитъ Лисса, которая зоветъ его въ свой черный домъ. Но ея услуги царю не нужно. Его горе только усиливается, когда онъ узнаетъ отъ Ириды, что Апата была послана къ нему Герой, которая отказомъ объ издѣвательствѣхъ надъ несчастнымъ царемъ старалась снова привлечь къ себѣ охладѣвшее сердце супруга. И когда приходитъ Гермесь, чтобы наложить на обманутаго лапшеа узы, Иксионъ проситъ только объ ускореніи развязки. Онъ слышитъ объ ужасной участи, которая его ждетъ; Гермесь говоритъ ему:

Кронидъ велѣлъ Гефесту обручъ сдѣлать,
Ужъ изъ чего, не знаю. Ты на немъ
Своимъ распятымъ тѣломъ образуетъ
И втулку, царь, и спицы. Къ ободку жъ
Тебя притянуть не канаты, змѣи.
Въ томъ обручѣ волшебномъ будешь ты
Кататься по ээиру, раскаляясь
Отъ быстрого круженья, а когда
Ты на пути щитъ Гелія огромный
И жаркій встрѣтишь, царь, то вмѣстѣ съ нимъ
Кружиться долго будешь.

.....
Близъ ложа солнца
На влажномъ и багровомъ ложѣ ты
Два раза въ годъ подремлешь. Не отраду
Тебѣ отецъ даруетъ. Онъ продлитъ
Твой, о царь преступный, муки хочеть.

Иксіонъ идетъ на муку, и его послѣднее слово обращено все къ той же Герфѣ. Ей просить онъ нимфѣ передать его „прости“. Корифей, глядя на то, какъ уводятъ закованнаго Иксіона, говорить подругамъ:

Не надо слезъ. Но гѣсенъ и цвѣтовъ
 Не надо также. Молча на вершины
 Пойдемъ и тихо. Человѣка мучать.

III.

Этимъ оканчивается трагедія, подробный пересказъ содержанія которой освобождаетъ меня отъ обязанности произносить о ней свой приговоръ, что предоставляется читателямъ рецензій. Конечно, этимъ пересказомъ мнѣ не удалось дать приблизительную характеристику пьесы, чуть ли не главное достоинство которой состоитъ въ удивительной яркости образовъ и невиданномъ сочетаніи красокъ. Чуть ли не каждый ея стихъ заключаетъ въ себѣ драгоценную картину, что чрезвычайно затрудняло меня при пересказѣ пьесы: не хотѣлось прерывать свои выписки, хотя я прекрасно понималъ, что если бы я сталъ выписывать все то, что есть въ пьесѣ интереснаго и замѣчательнаго, то мнѣ просто пришлось бы переписать всю трагедію. Но прежде чѣмъ разстаться съ этой весьма интересной во многихъ отношеніяхъ пьесой, мнѣ хотѣлось бы коснуться хотя бы мимоходомъ нѣсколькихъ вопросовъ общаго характера, при чемъ спѣшу оговориться, что все то, что было мною высказано по поводу „Меланиппы“ на страницахъ этого журнала, относится и къ „Царю Иксіону“. Я просто не хочу повторяться. Теперь же я хочу поговорить о томъ, въ какомъ отношеніи находятся обѣ трагедіи И. Ѳ. Анненскаго съ древнеклассической драмой, объ особенностяхъ ея техники и о той весьма неожиданной связи, которая чувствуется между пьесой И. Ѳ. и нѣкоторыми новѣйшими пьесами русскаго репертуара, которыя, на первый взглядъ, не могутъ имѣть съ ней ничего общаго.

Отношеніе „Иксіона“ къ античной трагедіи лучше всего обнаруживается на сравненіи типа Лиссы; ради этого сравненія я въ первой главѣ и выписалъ такую большую часть трагедіи Еврипида. У Еврипида Лисса является безпристрастнымъ орудіемъ мести въ чужихъ рукахъ. Авторъ „Иксіона“ изъ этой чисто механической силы сдѣлалъ живое лицо, согрѣлъ ея пытки лучами личнаго чувства и этимъ безконечно приблизилъ весь ходъ трагедіи къ сердцу зрителя, которое можетъ биться только тогда, когда бьется и другое сердце — сердце театральнаго персонажа. Лисса любитъ Иксіона, и не ея вина, что эта любовь приноситъ ему только одиѣ муки. Личное чувство Лиссы совершенно измѣняетъ ея обликъ. Правда, и у Еври-

пида она рѣзко подчеркиваетъ свое несогласіе съ тѣми, чью волю она послана творить, но это несогласіе нисколько не останавливаетъ ея работы. Подъ перомъ автора „Иксіона“ Лисса потеряла много чертъ своей божественной природы, но, какъ индивидуальность, она вырисовалась гораздо ярче, въ ней обнаружилось гораздо больше чертъ, сближающихъ ее съ людьми, тогда какъ у Еврипида она болѣе похожа на стихійную силу, стоящую внѣ всякихъ человѣческихъ страстей, но это самое свойство и вредило ей: оно мѣшало Лиссѣ Еврипида такъ сильно захватывать и волновать душу современнаго читателя, который такъ неохотно ходитъ на Олимпъ за пищей для своихъ ощущений, да и въ образахъ самаго Олимпа старается разглядѣть какъ можно больше такихъ чертъ, которыя неразрывной цѣпью связываютъ землю съ небомъ. И я думаю, что единственная причина измѣненія образа Лиссы состоитъ въ томъ, что авторъ „Иксіона“ не могъ да и не хотѣлъ выйти изъ настроеній нашего времени. Не даромъ же слова Иксіона:

Мнѣ хочется вернуть ту ожиданія
Последнюю минуту, шумъ шаговъ
Ея вернуть

такъ сильно заставляють ожить въ памяти извѣстное опредѣленіе счастья, какъ увѣреннаго ожиданія счастья, принадлежащее не кому иному, какъ Толстому ¹⁾).

Одновременно съ „Иксіономъ“ появилась другая пьеса, быстро нашедшая себѣ дорогу на подмостки такого авторитетнаго театра, какъ Московскій Художественный театръ, и поэтому нашедшая себѣ широкій кругъ внимательныхъ зрителей. Эта пьеса принадлежитъ перу Вл. И. Немировича-Данченко и называется „Въ мечтахъ“. Ея герой сознательно отказывается отъ обладанія любимой и страстно любящей его женщиной, только потому, что боится отравить мечту дѣйствительностью. На парадномъ обѣдѣ онъ произноситъ рѣчь, въ началѣ которой говорить: „Я предложилъ выпить за мечту о счастья, которая выше самаго счастья. Я плачу и радуюсь за человѣка, и онъ близокъ моему сердцу не въ то время, когда счастье дѣйствительности вливается въ его душу свободной волной, не встрѣчаетъ въ ней никакихъ преградъ и наполняетъ ее довольствомъ, а въ тѣ часы его тусклаго одиночества, когда взлелѣянная имъ мечта одна и безраздѣльно обнимаетъ все его воображеніе... Я радуюсь за человѣка и онъ близокъ моей душѣ, когда въ самую пылкую минуту его надежды онъ помнитъ, что то вѣчно спокойное и суровое, что люди называютъ жизненной правдой, разсѣветъ его грезу, какъ вѣтеръ развѣваетъ дымъ“.

¹⁾ См. С. Сутугинъ, „Мысли о театрѣ“ („Театръ и Искусство“ за 1902 г., № 8).

Когда я сидѣлъ въ театрѣ и видѣлъ, какъ эти слова дѣйствовали на публику очень слабо, заставляя ее глядѣть на оратора какъ на больного и видѣть въ его словахъ не больше, какъ вычурный изломъ неестественной души, мнѣ казалось, что этого досаднаго впечатлѣнія не получилось бы, если бы авторъ догадался своей призывъ къ довольствованію одной мечтой вывести изъ рамокъ той самой дѣйствительности, которая такъ безпощадно губить всякую мечту. Я думаю, что та же самая мысль волеется въ душу зрителя гораздо глубже и убѣдительнѣе изъ мелодіи сказочныхъ стиховъ „Иксіона“, чѣмъ съ прозаическихъ страницъ пьесы Вл. И. Немировича-Данченко, и герою старой сказки публики гораздо скорѣе повѣрять, чѣмъ облеченному во фракъ участнику пышнаго пира въ стѣнахъ московскаго ресторана.

Если связь „Иксіона“ съ современными настроеніями несомнѣнна, то въ отношеніи дѣйствія эта пьеса чрезвычайно сильно расходится съ современными драмами, въ которыхъ оно обыкновенно еле-еле теплится. „Иксіонъ“ весь насыщенъ дѣйствіемъ, такъ что его смѣло бы хватило на нѣсколько пьесъ. Недавно Максъ Нордау въ своей очень любопытной статьѣ по поводу Шиллеровскаго „Донъ-Карлоса“ вооружился самымъ рѣзкимъ образомъ противъ такого „злоупотребленія интригой“. По его мнѣнію, эта пьеса чрезвычайно проигрываетъ отъ введенія принцессы Эболи. Вся статья Нордау отзывается внѣшнимъ недантизмомъ, и ея основная мысль, навѣрно, созрѣла въ кабинетѣ, а не въ зрительномъ залѣ подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ пьесы; но если Нордау ополчился даже противъ такого слабаго нарушенія единства дѣйствія, какое мы видимъ въ пьесѣ Шиллера, то противъ „Иксіона“ онъ ополчился бы еще сильнѣе. Здѣсь на ряду съ трагедіей Иксіона до публики доходятъ отзвуки другой трагедіи, которая разыгрывается между Зевсомъ и Герой изъ-за Доринны и изъ-за которой Иксіонъ и попадаетъ въ сѣти Апаты. Но въ данномъ случаѣ И. О. Анненскій оказался вѣрнымъ послѣдователемъ Еврипида. Вспомнимъ хотя бы „Андромаху“ того же автора, гдѣ онъ нѣсколькими десятками стиховъ сумѣлъ нарисовать самостоятельную драму, героями которой были Орестъ и Герміона. Она совершенно также выходитъ съ перваго взгляда за рамки основной трагедіи, какъ и эпизодъ съ Доринной, но въ то же самое время въ ней надо видѣть ключъ къ развязкѣ судьбы Неоптолема, какъ и судьба Иксіона сдѣлана съ личною драмой Геры. Съ Еврипидомъ сближаетъ пьесу И. О. Анненскаго и еще одна черта.

Ирида, появляясь послѣдній разъ на сценѣ (явленіе 13-е), обнаруживаетъ зрителямъ весь ужасъ судьбы Иксіона: изъ ея разсказа про пиръ боговъ, на который она пріѣхала вмѣстѣ съ Герой, она даетъ понять, что Иксіону суждено было пройти черезъ всю сладость обмана, послѣ которой его ждало раскрытіе такой потря-

сающей правды только для того, чтобы рассказом про его заблуждение Гера хотѣла позабавить охладѣвшаго къ ней супруга. И теперь зритель думаетъ, что Гера уже въ ту минуту, когда она такъ холодно выслушивала горячіе вопли Иксиона, завѣрявшаго ее въ своей любви, задумывала ужасный планъ посмѣяться надъ несчастнымъ царемъ безъ царства, сдѣлать изъ его любви себѣ на потѣху игрушку. И этотъ мотивъ игры боговъ съ безпомощными передъ лицомъ ихъ гнѣва смертными — чисто Еврипидовскій. Вспомнимъ хотя бы „Вакханокъ“, гдѣ Діонисъ съ безжалостнымъ коварствомъ смѣется надъ Пентеемъ¹⁾, и всю глубину этого коварства зритель чувствуетъ тѣмъ сильнѣе, что, еще когда Діониса приводятъ связаннымъ на сцену, зритель прекрасно понимаетъ, что при желаніи онъ могъ бы сразу раздѣлаться съ Пентеемъ: такимъ образомъ это глумленіе надъ Пентеемъ лидійскаго чародѣя является заранѣе обдуманномъ и подготовленнымъ торжествомъ надъ слѣпымъ безумцемъ²⁾. Такое впечатлѣніе обдуманнаго холоднаго злорадства производитъ и все то, что приходится испытать Иксиону, довѣрчиво пошедшему въ ловко разставленные передъ нимъ сѣти Апаты.

Такимъ образомъ даже при бѣгломъ обзорѣ новой трагедіи И. Ѳ. Анненскаго можно установить не мало точекъ его соприкосновенія съ творчествомъ Еврипида и, конечно, при болѣе детальномъ разсмотрѣніи пьесы, ихъ выяснилось бы еще больше, но я думаю, что и приведенныхъ примѣровъ вполне достаточно для обоснованной характеристики отношенія „Иксиона“ къ памятникамъ древнеклассической драмы.

Сравненіе „Иксиона“ съ характерной пьесой новаго русскаго репертуара показало, что философская сторона пьесы И. Ѳ. Анненскаго стоитъ въ непосредственной связи съ тѣми мыслями и сужденіями, которыя переживаетъ современное человѣчество, и поэтому, по нѣкоторымъ нюансамъ отразившагося въ пьесѣ міропониманія, „Иксионъ“ выдаетъ сразу же свое появленіе на зарѣ XX вѣка, съ такой болѣзненной сладостью любующагося золотыми грезами и съ болью въ сердцѣ знающаго, что имъ суждено остаться золотыми до тѣхъ поръ, пока мечта не станетъ дѣйствительностью. И такое свойство чисто внутренней части пьесы И. Ѳ. Анненскаго не случайное. Человѣкъ XX вѣка не могъ думать и чувствовать внѣ вліянія своего времени, и если бы авторъ „Иксиона“ задумалъ не вводить въ свою пьесу ни одной мысли и ни одного чувства, не встрѣчавшагося на страницахъ пьесы Еврипида, то такой замыселъ надо было бы признать, во-первыхъ, невыполнимымъ, а во-

¹⁾ „Вакханки“, ст. 663 сл.

²⁾ И. Ѳ. Анненскій, „Вакханки“, трагедія Еврипида. С.-Пб. 1894, стр. 167.

вторыхъ, болѣзненно уродливымъ. Зато весь мѣръ поэтическихъ символовъ, вся совокупность внѣшнихъ формъ и схемъ является чисто античной, какъ я это старался показать на двухъ-трехъ образцахъ. Такимъ образомъ авторъ „Иксиона“ является не рабскимъ подражателемъ Еврипида, — роль, бесплоднѣе которой трудно было бы выдумать другую, — а совершенно свободнымъ продолжателемъ его творчества, воплощающимъ результаты своей духовной жизни въ тѣхъ формахъ и чрезъ тѣ символы, которые стали близкими его душѣ во время многолѣтнихъ и упорныхъ трудовъ надъ трагедіями Еврипида, о которыхъ была подробная рѣчь при разборѣ „Меланиппы“. Такимъ образомъ „Меланиппа“ и „Иксионъ“ являются, на мой взглядъ, не плодами искусственнаго воскрешенія пьесъ Еврипида, а чрезвычайно цѣнными и дорогими для всѣхъ друзей театра признаками начала свободнаго возрожденія античной драмы.